

Санки

Как мы уже сообщали, в планах редакции публиковать на сайте нашего издания и иногда на страницах газеты наиболее интересные материалы коллег из других районов. В этом номере в рубрике «Мысли на день» мы предлагаем вашему вниманию рассказ, напечатанный в газете «Восход» Большеигнатовского района. Автор его долгое время работала бухгалтером в РОНО, а, выйдя на пенсию, решила попробовать свои силы на творческом поприще. В итоге, получился рассказ, который, на наш взгляд, невозможно читать равнодушно.

Эту простую историю рассказала мне как-то моя подруга Валя, и так она тронула мою душу, что я не могла позабыть ее.

«Ехали мы с соседнего села от нашей родни с какого-то мероприятия, - поведала мне она. – За рулем автомобиля сидел наш родственник – известный и уважаемый в нашем районе врач. Поглядев на заснеженное, чисто убранное поле, он, молчавший до того, заговорил.

- Не могу забыть один эпизод из своего детства. Такого мокрого лета, какое выдалось в этом году, я больше припомнить не могу. И осень пришла рано, лили дожди, была непролазная грязь. С трудом убрали урожай. Сено осталось в копенках на лугу, не успели запастись и дровами. Сельчане с беспокойством поглядывали на запас кормов для своего скота, опасаясь, что до весны его не хватит. Колхозный скот был не в лучшем положении, но на полях стояли прошлогодние скирды соломы, в силосных ямах был заготовлен силос, а Минсельхоз обещал помочь с комбикормами. А вот в личных подворьях не каждый крепкий хозяин мог похвастаться изобилием кормов, не говоря уже о таких, как мы – без мужика в семье.

Ждали санного пути. Но едва подморозило, посыпал снег, за- лютовали бураны. Не успел наступить декабрь, а уже землю занесло сугробами. Но не век же лютовать бурану – наступили ясные дни. Прояснилось небо, вышло солнце, и все ребятишки выбежали с санками и лыжами на улицу. Хорошо зимой детям – играм нет конца. Уже и дни стали длиннее, а вот сена и соломы для коровы у нас оставалось все меньше и меньше. В это время, вот с этого самого поля, гусеничные тракторы свозили на ферму солому из ометов. Наша мама заметила, что на дороге остаются остатки соломы, которые через день-другой заметут снега. Времена, когда за несколько колосков с колхозного поля судили, давно прошли и мама послала нас с братом с санками в поле за соломой. Только мы сложили солому в санки, только перевязали ее, чтобы не рассыпалась в дороге, только взялись вдвоем за веревку, как увидели, что в нашу сторону скачет лошадь, запряженная в легковые одноконные сани, «казачки» по-нашему.

Недавно прошло объединение нескольких колхозов в одно; председателем этого хозяйства был назначен Большеигнатовский председатель, поэтому мы его еще не знали

в лицо. Остановив лошадь возле нас, он выбрался из саней и обвел нас и нашу поклажу мутным взглядом. Отборная брань посыпалась на нас. Искажённое злобой лицо мужчины с каждой секундой багровело все сильнее, от ярости оно передергивалось. Разгоряченный, он все больше свирепел от собственной ругани. Бывший фронтовик, не раз видевший смерть, почему-то в нас, мальчишках, увидел врагов. Наверное, оттого что мы с братом ни одним движением, ни одним взглядом не выдали своего страха перед ним. Он выхватил из своих саней топор и стал крушить наши санки. Утолив свой гнев, он уселся в «казачки», закутался в тулуп и укатил в райцентр, где проживал. А мы с братом, опустив головы, чтобы не видеть друг у друга слез, собрав «останки» санок, поплелись домой. Дома мать, даже не допытываясь, кто разрубил санки в щепки, поняла все. Сокрушаясь, пожаловалась она соседям, ведь без саней в хозяйстве нельзя было обойтись, а сделать их некому: эта работа требовала умелых мужских рук. Тяжело вздохнул лежавший на печи сосед-старик, увидев на лице бедной женщины слезы. А рано утром он достал инструменты и сухие деревянные заготовки, которые всегда были в запасе у хозяйственного деревенского мужика. Непослушными от ревматизма руками он стал пропаривать бруски на полозья и, чтобы загнуть их, попросил жену подсобить ему. Через несколько дней, проснувшись утром и выйдя на улицу, увидел я возле нашего крыльца новенькие, аккуратные санки. «Мама, откуда санки?!» - воскликнул я, вбежав в дом. «Свет не без добрых людей, сынок», - сказала мать и заплакала.

И вот минуло время. Я закончил университет, стал работать. Как-то ко мне на прием зашел тот, чье свирепое лицо врезалось мне в память: постаревший, больной, бывший председатель колхоза. Со смешанным чувством слушал я его, видя, что ему совсем немного осталось жить, и подумал, что жизнь коротка и надо быстрее прощать людям, а не копить обиды.

«Он не подозревал, - сказала Валя, - что рассказывает этот случай не только для нас, но и для себя, что-то пересматривая, что-то отбрасывая, размышляя в то же время о человеке, о его месте в жизни, а главное – о добре и зле, о том, что может быть этот случай из его жизни привел его к выбору самой гуманной профессии на свете – профессии врача.

Мне показалось, что я заглянула в его детство, и не только заглянула, а испытала все, пережила так же, как он в те далекие, трудные годы, и я подумала – а не эти ли санки, и не этот ли добрый старик-сосед, которого уже давно не было в живых, не давали ему покоя, всегда заставляя относиться к людям с душевной, а бывало и сердечной болью?!...».

Антонина

КРАСНОЩЕКОВА